

УДК 8

DOI 10.21661/r-472627

*П.А. Бутаков***СТИЛИЗАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИТАЯ**

Аннотация: с литературой Китая часто ассоциируется такое явление, как цензура. Действительно, контролю подвергаются все произведения, планируемые к печати. Данная статья посвящена изучению того, в какой мере цензура затрагивает языковую сторону вопроса и, в частности, возможность реализации разговорного стиля. Помимо этого, рассматриваются также события XX века, способствовавшие большей стилизации элементов данного функционального стиля в китайской литературе.

Ключевые слова: история литературы Китая, художественная литература Китая, разговорный стиль, стилизация.

*P.A. Butakov***STYLIZATION OF COLLOQUAIL STYLE IN THE WORKS
OF FICTION LITERATURE OF CHINA**

Abstract: the phenomenon of censorship is often associated with Chinese literature. Indeed, all works that are planned for publishing, are subjected to control. This article is devoted to the study of the extent to which censorship affects the linguistic side of the issue and, in particular, the possibility of using peculiar elements of colloquial style. Furthermore, the article also considers the events of the XX century, which became the reason for a greater extent of stylization of the mentioned functional style elements in Chinese literature.

Keywords: history of Chinese literature, fiction literature of China, colloquial style, stylization.

На протяжении всего последнего столетия художественная литература Китая оказывалась под влиянием событий, происходивших не только в языке, но и

в политической жизни страны. Если до Синьхайской революции, начавшейся в 1911 году, в Поднебесной существовало разделение между художественной литературой на «вэньяне» (классическом языке) и литературными произведениями на «байхуа» (разговорном языке), то уже в 1919 году участники Движения 4 мая потребовали отмены вэньяня и официального перехода на байхуа, таким образом, общепринятой становится литература, написанная на последнем варианте китайского языка.

Стоит отметить, что необходимость в переменах назревала и ранее, причем не только простое население, для которого вэньянь был труден и непонятен, но и некоторые ученые поддерживали эти изменения. Так, в 1917 доктор филологии Ху Ши публикует труд под названием «Мотивы для реформы китайской литературы», где автор выступает за создание новой, живой литературы, написанной на понятном всем байхуа [1]. Такая литература была популярна и до революции, однако после вышеописанных событий получила более широкое распространение. Причиной тому был тот факт, что писались такие произведения так, как мыслили и говорили простые люди, поскольку именно главный герой чаще становился повествователем, а описываемые им события отражали быт простого населения большой страны. Из этого следует, что речь персонажей была наполнена элементами разговорного стиля, такими как просторечие, сниженная лексика, диалектизмы, междометия и т. д.

После октября 1949 года, когда была образована Китайская народная республика, литературное творчество претерпевает противоречивые тенденции, продиктованные политикой КПК. Так, Мао Цзэдуном провозглашалась кампания «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (百花齐放、百家争鸣), главной целью которой было, помимо прочего, обеспечить расцвет и многообразие тем литературы и искусства в Китае. Однако со временем, в связи с возрастающим количеством произведений, критикующих ситуацию в стране и действующую власть, этот курс привел к гонениям в культурной среде и последующему приведению литературного творчества в рамки идеологических и политических установок. Также в определенные периоды времени делался разный

акцент на изучении китайского опыта и обращении к корням, а во времена Культурной революции, все предыдущие достижения литературы Китая и вовсе рассматривались в сугубо негативном ключе.

Определенные перемены в общественной жизни и сознании граждан намечаются с приходом к власти Дэн Сяопина, проводившим политику открытости (改革开放) и политику «идеологического раскрепощения» (思想解放). Изучение западной, преимущественно американской литературы, приход нового поколения писателей, изменение отношения к альтернативному искусству и коммерциализация ознаменовали появление новых течений и тенденций в искусстве и литературе в частности. Изменения затронули тематику произведений, стиль повествования и язык, на котором эти произведения создавались [2]. Примечательно то, что политика, проводимая властями на протяжении второй половины 20 века, а также цензура больше оказывали влияние на выбор темы произведений и в меньшей степени – на язык.

Таким образом, если рассматривать вопрос о стилизации разговорного стиля в художественной литературе Китая, то можно сделать вывод о том, что писатели не игнорировали возможности использовать все возможные способы воссоздания в полной мере живой речи персонажей на письме, поскольку повествование велось о повседневном быте жителей городов и деревень от лица героев произведения.

Представляется интересным посмотреть на практике, как и благодаря каким особенностям, разговорный стиль реализуется в современной китайской литературе. Для анализа были выбраны контексты из романа «Страна Вина» Мо Яня и произведения «Жить!» Юй Хуа.

В первую очередь стоит отметить, что в силу изолирующего характера китайского языка, а также того факта, что китайское письмо основано на иероглифической или идеографической системе записи, особенностей разговорного стиля на фонетическом уровне здесь представлено не будет. Однако сюда можно отнести пример звукового повтора. Например, в произведении «Страна вина», когда официант подавала блюдо, она произнесла следующую фразу: «龙凤呈祥,

请欣赏! 请品尝!» (Lóng fèng chéng xiáng, qǐng xīnshǎng! Qǐng pǐncháng!) – «Дракон и феникс являют добрый знак», прошу отведать!» [3, с. 137]. Данный прием часто используется в рекламе для привлечения внимания потенциальных покупателей, а в поэзии и прозе для придания тексту большей фонетической выразительности.

В большей мере представлены отклонения от норм литературного языка на морфологическом уровне. Здесь, как и в устной разговорной речи используются междометия: «这个娃娃又白又嫩啊» – «Какой беленький и нежный малыш, а, старина?» [3, с. 18]; частицы: «我正想离开这里呢! » – «Да вот как раз собрался уезжать!» [3, с. 107]; «不啦, 我还有事, 你们谈吧» – «Дела, дела!» [4, с. 138]; слова со словообразовательными аффиксами: «姐儿们, 好样的! » – «Ну, девочки, молодцы!» [3, с. 108]. Междометия, равно как и частицы в данных случаях используются для придания высказываниям большего оживления и экспрессии, тогда как семантические связи с другими словами отсутствуют, что дает возможность опустить их. Употребление данных элементов обусловлено контекстом ситуации, а на письме они используются, наоборот, для воссоздания ситуации общения. Сюда же можно отнести и использование наречий. Описание действий или образа действия, для которого используется данная часть речи, нередко может носить субъективный характер, следовательно, наречия речи также придают фразе и эмоциональный окрас, что отражено и в переводах на русский язык: «太冷了! » – «Просто жуть!» [3, с. 17]; «模样不好看, 味道极鲜美» – «На вид это блюдо не очень, но на вкус – пальчики оближешь» [3, с. 137].

Представлены особенности разговорного стиля и на лексическом уровне в виде употребления разговорной лексики и, в том числе, сленга-маркера разговорной речи, который находится далеко от норм литературного языка: «王八蛋» – сволочь [3, с. 70]; «小宝贝» – крошка, бедняжка [3, с. 169]; «家伙» – парень, тип [3, с. 107].

Прибегают авторы и к применению в текстах диалектизмов: «姑奶奶, 我不敢动你, 绝对不敢» – «Что ты, доченька, разве я посмею тронуть тебя!» [3, с. 145]; «现在不鬼混啦, 我在做生意» – «Я не дурака валяю, я веду дела» [4, с. 9].

Одной из характерных черт диалогической речи является ее спонтанный характер, отсутствие подготовки. Данный фактор обуславливает наличие ещё одной особенности, а именно фразеологизмов, устойчивых выражений: «太岁头上动土!» – «Да как они посмели вызвать гнев богов!» [3, с. 106]; «上梁不正下梁歪啊» – «Яблочко от яблони недалеко падает» [4, с. 22]. Таким выражениям свойственна лаконичность, простота формы, не идущая в ущерб содержательной части. Фразеологизмы, чэньюи, также как и предыдущие элементы разговорного стиля, будут иметь ярко выраженный эмоциональный окрас.

Особенности синтаксического уровня представлены в виде следующих нарушений норм языка: эллипс предложений: «我儿子呢?» – «Где мой сын?» [4, с. 119]; «离婚了没有?» – «Ты как – развелся, нет?» [3, с. 18]. В последней фразе также представлен пример разделительного опроса, используемый говорящим с целью спросить согласие или одобрение собеседника: «咱俩讲和好好不好?» – «Может, мир, а?» [3, с. 145]. Говоря об эллипсе, стоит отметить, что он также обусловлен такими особенностями диалогов, как спонтанность, напряженность ситуации, когда в силу нехватки времени и волнения, опускаются безударные элементы высказывания. Так, в первом случае взволнованный отец, узнав, что его сын находится в больнице, пытается узнать у врачей, где именно находится его сын (экстренность ситуации обуславливает опущение сказуемого). Во втором примере начальник, при общении с подчиненным, опускает подлежащее, играющее роль обращения.

Таким образом, анализ произведений показал, что цензура, которой подвергается китайская литература, отправляемая на печать, вовсе не затрагивает языковой аспект, а писатели, в свою очередь, активно прибегают к стилизации разговорной речи в своих произведениях, что делает героев повествования ближе и понятнее простому читателю. Элементы разговорного стиля, выявленные на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, в сумме помогают

более точно передавать характер персонажей, их эмоции, переживания, а также воссоздавать обстановку, в которой происходят описываемые действия.

Список литературы

1. Воскресенский Д.Н. Повествовательная проза на языке байхуа / Д.Н. Воскресенский // Духовная культура Китая: Энцикл. / Институт Дальнего востока. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 93–97.

2. Желоховцев А.Н. Современная литература / А.Н. Желоховцев // Духовная культура Китая: Энцикл. / Институт Дальнего востока. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 167–175.

3. Мо Янь Страна вина / Мо Янь. – Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 1992. – 344 с. 莫言 酒国 / 莫言 / 上海 : 上海文艺出版社, 1992. – 344 页.

4. Юй Хуа Жить! / Юй Хуа. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 2010. – 191 с. 余华. 活着 / 余华. 北京 : 作家出版社, 2010. – 191 页.

References

1. Voskresenskii, D. N. (2008). Povestvovatel'naia proza na iazyke baikhua / Dukhovnaia kul'tura Kitaia. – P. 93–97. M.: Vost. lit.

2. Zhelokhovtsev, A. N. (2008). Sovremennaia literature / Dukhovnaia kul'tura Kitaia. – P. 167–175. M.: Vost. lit.

3. Mo, Ia. (1992). Mo Ian' Strana vina., 344. Shankhai: Shankhai ven'i chuban'she.

4. Iui, Kh. (2010). Iui Khua Zhit'!., 191. Pekin: Tszotszia chuban'she.

Бутаков Павел Александрович – магистрант ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Россия, Благовещенск.

Butakov Pavel Aleksandrovich – graduate student of the International Relations Department of FSBEI of HE "Amur State University", Russia, Blagoveschensk.
